

The background of the entire image is a dark, high-contrast black marble with intricate, swirling white and grey veins. The texture is organic and complex, resembling natural stone.

SANTO VERSACE

АВТОБИОГРАФИЯ
ОДНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
СЕМЬИ

Fashion True Crime Story. Убийство от кутюр

Санто Версаче

**Автобиография одной
итальянской семьи**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Версаче С.

Автобиография одной итальянской семьи / С. Версаче —
«Эксмо», 2022 — (Fashion True Crime Story. Убийство от кутюр)

ISBN 978-5-04-192943-5

Джанни Версаче — всемирно знаменитый модельер, чье имя стало синонимом мира роскоши с середины 1970-х. Гений моды, он делал женщин чувственными и элегантными. С Версаче работали Линда Евангелиста, Синди Кроуфорд, Наоми Кэмпбелл, которых он возвел в ранг супермоделей. С ним дружили Элтон Джон, Стинг и принцесса Диана. Но оглушительный успех Джанни Версаче — заслуга не только его гения, но и таланта старшего брата Санто. Санто Версаче, дипломированный экономист и политик, бросил свою карьеру, чтобы помочь Джанни создать модный дом, — и вслед за ним окунулся в мир роскоши, гламура, невероятных взлетов, падений и драм. Книга Санто Версаче — это автобиография семьи из мира моды, рассказывающая о становлении таланта Джанни Версаче, невероятном успехе модного дома и семейной любви, благодаря которой простая итальянская семья смогла покорить мир. Это первая книга члена семьи Версаче — о жизни, проведенной рядом с гениальным Джанни. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-192943-5

© Версаче С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие переводчика	7
1	9
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Санто Версаче

Автобиография одной итальянской семьи

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Предисловие переводчика

Перед нами книга, написанная братом о брате. Оба они работали бок о бок, занимались одним и тем же делом – модельным бизнесом. И функции в их тандеме распределялись согласно «классике жанра». Один, Джанни Версаче, творил и без конца экспериментировал, не обращая внимания на то, что об этом скажут окружающие. Другой, его брат Санто, постоянно старался ввести этот творческий пыл в строгие берега финансовой логики и, надо сказать, очень помогал брату и всегда его поддерживал. При таком распределении ролей и расстановке персонажей книга, написанная Санто Версаче, становится вдвойне интересной, хотя и написана достаточно сухо. Само собой, она густо населена представителями модельного бизнеса того времени: Санто очень щепетилен и пунктуален, когда перечисляет, к примеру, кто присутствовал на показах или на званых вечерах, сопутствующих показам, и в каких ресторанах проходили эти вечера. Сознание того, что он имеет возможность на равных общаться с сильными мира сего, греет его душу.

Надо сказать, что, при всей его красоте и обаянии, Санто Версаче – порядочный зануда. У него склад ума прирожденного финансиста: все на свете должно быть логично, последовательно и точно. Он – хронический отличник. Он и каждую фразу строит так, как и положено ее строить хроническому отличнику. По ходу дела мне приходилось не «причесывать» текст, а, наоборот, немножко его «растрепывать».

В сущности, Санто пишет эту книгу не о Джанни Версаче, а о себе. Даже в самых, казалось бы, трагических эпизодах, связанных с гибелью брата, он все время съезжает на описание собственных эмоций. Ну, таков уж он есть, так его устроила природа. И здесь возникает очень интересный момент: «сшибка»¹ самодовольства и большой любви. Детей в семье Версаче воспитывали в любви друг к другу и постоянно прививали им чувство единения. Они умеют стоять горой за своих, что вообще характерно для итальянских семей. И Санто, выросший в такой семье, прекрасно это понимает. Очень интересно наблюдать, как он, только что с гордостью перечислявший, где к нему отнеслись с почтением, как он сидел за обедом рядом с самим Берлускони, вдруг словно просыпается, и на первый план в повествовании выходит любовь: к семье, к брату, к их общему делу. Он изо всех сил старается писать о близких людях, а выходит все равно о себе. И подборка фотографий говорит о том же. Везде только Санто: Санто на карнавале, Санто на пляже, Санто защищает диплом, Санто уходит в армию... ну, и так далее. Фотографий Джанни гораздо меньше, и все они не слишком удачные: для Джанни абсолютно не имело значения, в каком ракурсе он получится на фото и как он одет, когда его фотографируют. И это не рисовка: ему действительно все равно. У него жизненные приоритеты расставлены по-другому.

Неистовый, своевольный, абсолютно непредсказуемый Джанни был фантастически одарен природой и мог шутя, без всяких творческих мук, «на коленке» набросать модель, которая потом будет приносить миллионные доходы и войдет в анналы модельного бизнеса. И если Санто все время старается «соответствовать», то Джанни каждую секунду вырывается из тех правил, которые Санто свято чтит. Это проявляется во всем: в манере одеваться, в привычках, в стиле общения с людьми. Судьба собственных гениальных находок Джанни, кажется, волнует мало. Его дело – родить шедевр, а воспитанием уж пусть занимается Санто. Даже на показы своих моделей он приезжает не всегда, зачастую доверяя представительство брату.

¹ «Сшибкой» психологи называют внутреннее противоречие, которое невозможно преодолеть, не пожертвовав каким-то самым важным для себя принципом. С точки зрения психологии не жизненные испытания, а именно «сшибки» оказываются наиболее опасными для человеческого здоровья. (Прим. пер.)

Есть еще один момент, о котором нельзя не сказать и который характеризует обоих братьев. Джанни был геем, причем геем счастливым, и не думал скрывать этот факт своей биографии. И Санто относится к этому факту совершенно спокойно и даже довольно резко высказывается о предрассудках. Его позиция такова: человек должен жить по тем законам, по каким его скроила природа. Странная позиция для поборника упорядоченности во всем. Думаю, здесь мы снова сталкиваемся с той самой внутренней «сшибкой», которая прочно обосновалась в характере Санто. Когда в его строго структурированном мире начинает главенствовать любовь, он оказывается способен на неожиданные выводы.

Интересный тандем получается у братьев. Джанни действует спонтанно, мало задумываясь о логике, но всегда безошибочно попадая в яблочко. Санто не может без логики и целенаправленности, но именно эти качества очень часто становятся «подставленным плечом» и спасают замыслы Джанни. Санто ищет общества людей с высоким статусом, без поддержки статусных личностей ему неуютно. А Джанни, наоборот, уходит от подобного общения, ему нужны свобода и, как ни странно, внутреннее одиночество. Может, в этом и кроется одна из важных потребностей настоящих гениев? В своей вспыльчивой неуживчивости и колоссальной одаренности внутреннее одиночество они нащупывают с легкостью. Но далеко не каждому выпадает счастливый жребий иметь такое верное «подставленное плечо», каким был для брата Санто.

Ольга Егорова

Моему брату

1

По утрам я обычно просыпаюсь рано, встаю быстро и сразу погружаюсь в только что наступивший день и в тот, что еще наступит. И в тот, что наступит следом за ним. Я человек настоящего и будущего, всегда таким был и таким останусь.

С детства я был послушным ребенком, с дисциплиной атлета и добросовестностью банковского служащего, тем более что моим первым местом работы был банк. Великий калабриец, писатель Коррадо Альваро в одном из своих дневников написал: «Самое большое несчастье, которое может постигнуть человеческое общество, – это сомнение, стоит ли жить честно». Его слова на всю жизнь стали моими.

У каждого свой характер, свой замес, и мой замес именно такой. Я не попадаюсь в чарующие тенета ностальгии, а всегда стараюсь отпустить прошлое как оно есть, со всеми его водоворотами ошибочных или вовсе не произнесенных слов, с его наследием красивых фотографий и жестов сожаления.

Однако и в моей теперешней слишком активной, подчас лихорадочной жизни, вопреки почтенному возрасту, бывает так, что снова появляются воспоминания о той, другой жизни. И тогда я спрашиваю себя, каким бы я стал и какими стали бы мы все, если бы Джанни все еще был с нами. Если бы все необыкновенные проекты, которые его ожидали и которые мы вместе могли воплотить в жизнь, не оборвала пуля серийного убийцы, выпущенная из оружия 40-го калибра.

В Майами 15 июля 1997 года погибла и часть меня самого.

Когда я разворачиваю ленту памяти, я снова все это переживаю заново. Переживаю мучительную боль от потери брата. И ту жестокость, с какой нашу семью, всегда объединенную любовью и творчеством, заставили облачиться в траур. И ту невосполнимую пустоту, что осталась после смерти Джанни в истории моды, и прежде всего в судьбах стольких людей, друзей и незнакомых, знаменитых и безвестных.

Я снова вижу, как вхожу в Миланский собор в день похорон, назначенных на шесть часов вечера двадцать второго июля. Донателла вцепилась мне в руку, лицо ее закрыто вуалью. Я держусь изо всех сил и изо всех сил стараюсь поддержать ее. Нас окружают люди, много людей, но в этот момент мы с ней глубоко одиноки.

* * *

Насколько я знаю, ни в итальянском, и ни в одном другом языке не существует слова, которое означает потерю брата или сестры. Нет эквивалента понятиям «вдовец» или «сирота». Но боль утраты огромна, и я слишком близко с ней знаком. Может показаться абсурдным, но за всю жизнь мне лишь дважды довелось пережить эту боль. Мне судьбой было назначено дважды стать старшим братом, человеком ответственным, с головой на плечах, на которого всегда можно положиться. Когда мне было почти девять лет, а Джанни семь, умерла наша старшая сестра Тинучча. Я называю ее здесь уменьшительным именем, а полное имя было Фортуната, и ей еще не исполнилось десяти. Эта трагедия потрясла наших родителей и нанесла серьезную травму нам, малышам.

Я очень любил Тинуччу, и почему-то сейчас в памяти всплыла одна сцена. Это было зимой, и в Реджо-Калабрии² выпало много снега. Мы с Тинуччей, в теплых пальто, в шарфах

² Реджо-ди-Калабрия – город в Италии, в регионе Калабрия. Расположен на краю итальянского «сапога», напротив города Мессина на Сицилии. (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

до самых глаз, с террасы нашего дома с восторгом обстреливали снежками улицу. Я хорошо помню то простое детское счастье, что охватывало нас тогда.

Когда Тинучча заболела перитонитом, нас с братом отправили к родственникам. Ей становилось все хуже, держалась высокая температура, и врачи ничего не смогли сделать. С ее смертью надолго угас свет, освещавший наши детские дни. По желанию отца мы совсем недавно переехали на виа деи Корреттори и оказались далеко от нашего домашнего врача. Мама очень долго переживала и твердила, что, не будь этого переезда, Тинучча, может, была бы жива. Она все время плакала, испытывая к отцу безотчетную ненависть.

Все эти беды заставили меня быстро повзрослеть, и из мальчишки я превратился в маленького мужчину, не по годам разумного и зрелого. Со смертью Тинуччи моя участь старшего брата была решена окончательно, а характер сформировался внутри этой боли, которую я, как ни удивительно, умел преодолевать.

С этого момента я и стал на всю жизнь старшим братом для Джанни и для Донателлы, которая появилась на свет через два года после смерти Тинуччи и вернула улыбку на лицо мамы и на наши лица. Эта волшебная малышка заняла в семье место ангела. Мы ее обожали, и с первой секунды своей жизни она стала для нас младшей сестренкой, которую всем хотелось приласкать, оградить от бед и бесконечно о ней заботиться.

Тень Тинуччи, а затем и тень Джанни повсюду сопровождали меня, делая, может быть, излишне серьезным, даже угрюмым и очень негибким человеком в глазах многих. Во мне всегда живет бизнесмен, человек цифры. Это верно, однако за быстротой и трезвостью суждений предпринимателя всегда присутствует или, по крайней мере, должно присутствовать представление о мире, этике и моральных принципах, которые надо передать людям. Для меня ориентиром всегда служили люди просвещенные, такие как Адриано Оливетти³. Люди, умеющие завоевывать, но умеющие и возвращать завоеванное.

Представление обо мне как о натуре чрезвычайно цельной, всегда полагающейся на силу, рассыпалось в прах после смерти Джанни. Осмысление всего этого стало путем долгим, трудным и очень личным. За те двадцать пять лет, что прошли с того проклятого дня, я много раз от разных людей слышал один и тот же вопрос: чего мне недостает с уходом брата? Мне недостает его гениальности, его улыбки, вдохновения, а прежде всего – его любви. Время, которое, как известно, лечит, помогло мне справиться с утратой, и теперь, когда наступили лучшие дни, мне даже удастся чувствовать себя сильнее, чем раньше, словно его незримое присутствие внутри меня удвоило мои силы.

Чего мне недостает с уходом брата? Мне недостает его гениальности, его улыбки, вдохновения, а прежде всего – его любви.

В день прощания с Джанни в Миланском соборе, когда мы с Донателлой входили внутрь, площадь перед Дуомо была залита ослепительно-ярким летним солнцем. А внутри без устали сутились фотографы, телекамеры еле успевали поймать в кадр знакомые лица с журнальных обложек, закрытые вуалями или черными очками. За оградительной лентой толпилась публика, пришедшая посмотреть на прибывающих, словно те шли по красной дорожке кинофестиваля: Джорджо Армани, Джанфранко Феррe, Карл Лагерфельд, Валентино, Наоми Кэмпбелл, Карла Бруни, Ева Герцигова, Миссиони и Каролин Бесет, Франка Соццани и Анна Винтур. И еще Стинг с женой Труд и Элтон Джон с Дэвидом Фёрнишем, который потом станет его супругом. Рядом с ними сидела знаменитость из знаменитостей того времени: леди Диана, а с ней – сопровождающая ее представительница из Лондона, девица с длинными рыжими волосами, которая мелкими шажками семенила перед принцессой, пока та шла к своему месту. В те минуты, когда все рассаживались перед началом мессы, по собору прокатился какой-то стран-

³ Адриано Оливетти (1901–1960) – итальянский промышленник и меценат. Для послевоенной Италии он был тем же, кем для дореволюционной России Савва Мамонтов, Третьяковы и Алексеевы.

ный, потусторонний шум. Мессу должен был служить монсиньор Анджело Маджо. Наверное, всем было трудно даже подумать о том, что их сюда привело.

Потом кто-то обвинял нас, что мы устроили погребальное шоу, некое зрелищное дефиле перед священником. А дон Антонио Мацци намеренно поднял вопрос о том, что не следовало предоставлять помещение собора для церемонии погребения гомосексуалиста. Даже писатель Витторио Мессори дал очень жесткое определение происходящему: он написал, что траурная церемония, скорее, смахивала на гей-парад. Двадцать пять лет назад отношение к сообществу гомосексуалов, конечно, было совсем иным, чем сейчас. Меняется время – меняется и восприимчивость (или ее отсутствие).

Джанни хватило мужества публично признать себя геем. Сейчас сказали бы, что он «вышел за рамки». Он и вправду без обиняков высказался об этом в 1995 году в интервью ежемесячному журналу американского гей-сообщества «Адвокат».

Этот поступок могли бы расценить как показной, но на самом деле ничего подобного не произошло: Джанни был слишком умен, чтобы не понимать революционного значения своих слов, и прекрасно рассчитал, какой эффект они произведут. Он всегда смотрел далеко вперед. В том, что касается моды, антуража или «духа времени», он всегда был на шаг впереди. Ему давала силы та внутренняя свобода, которая присуща всем творческим личностям, всем художникам и артистам.

Гей или не гей, но Джанни Версаче заслужил прощание, достойное всей его жизни, рядом со своим спутником Антонио Д'Амико, в окружении родных, друзей и огромного содружества мира высокой моды, где его обожали как прекрасного стилиста и замечательного человека.

Мы добились разрешения почтить его память и отслужить мессу в Миланском соборе благодаря Габриэле Альбертини, избранного мэром Милана два месяца назад. Он взял на себя переговоры с Курией, которая дала свое согласие.

В этот день все модные магазины знаменитого «Миланского четырехугольника» были закрыты в знак траура. Мы отвезли прах Джанни на озеро Комо. Он очень любил это место, куда мы столько раз приезжали все вместе, счастливые и дружные. Мы, его братья с семьями, мой отец и кузина Нора из Реджо-Калабрии, друг Джанни и множество тех, с кем ему надо было обсудить вопросы общей работы. Приезжали и знаменитости. Джанни умел собрать вокруг себя совершенно разных людей. Он общался со всеми, и ему все было интересно. Меня никогда не удивляло, что многие крупные артисты, музыканты и те, кого называют элитой общества, считали его своим другом. И это была настоящая дружба, а не просто светские знакомства.

Одним из образов того дня, навсегда врезавшимся в память, было убитое горем лицо Элтона Джона. Слева его обнимал и поддерживал Дэвид Фёрниш, а справа с материнской нежностью поглаживала его руку леди Диана.

* * *

Они с Дианой вошли в жизнь друг друга несколько лет назад, когда она рассталась с принцем Чарльзом и могла позволить себе отойти от правил, которые предписывали ей носить одежду только британских стилистов. Анна Харви, тогда вице-директор филиала журнала «Вог» в Великобритании, связала нас с ней, и с этого момента у нас на виа Джезу в Милане имелся специально изготовленный манекен по ее размерам. Мы посылали закройщиков в Кенсингтонский дворец, в ее резиденцию. Для последней доводки в Лондон вместе с двумя портнихами отправлялась Франка Бьяджини, мастерица высочайшего класса. Несколько раз Джанни ездил сам. С принцессой у него складывались отношения взаимоуважения и поддержки. Для него одевать женщину, которую фотографируют чаще всех в мире, стало чем-то вроде обретения Святого Грааля славы. А для нее прославлять красоту его творений означало объявить всему миру, что она обрела свободу.

Для леди Ди прославлять красоту творений Джанни означало объявить всему миру, что она обрела свободу.

В их отношениях был один критический момент, связанный с выходом нашей книги «Рок и аристократия» («Rock and Royalty»)⁴ с фотографиями английской королевской семьи, чередующимися со снимками таких великих мастеров, как Ричард Аведон и Ирвинг Пен⁵. Диана написала предисловие, однако потом, поскольку в книге содержались изображения, которые могли быть расценены как скандальные и вызвать полемику с Виндзорским дворцом, забрала его обратно. В конце концов от текста осталась всего одна фраза, и инцидент кончился ничем. Диана всегда была под прицелом желтой прессы, и окружавшая ее атмосфера вечной необходимости отбиваться от посторонних суждений ее пугала. Но она не прервала отношений ни с Джанни, ни с королевским домом. И доказательство тому – ее приезд в Милан, сначала в домашний траурный зал, а потом и в Дуомо на мессу.

Чуть больше месяца спустя и она покинула этот мир. В то проклятое лето рушились целые миры, и не только наш.

В известном смысле, в эти несколько месяцев вдруг, раньше назначенного срока, закончились девяностые годы. Завершилась целая эпоха, в которой мода Джанни оставила неизгладимый след.

⁴ Rock and Royalty: The Ever-Changing Look of Versace's Couture As Seen – and Modeled – by the Kings, Queens, and Jokers of Rock & Roll (1997). На русском языке не издавалась.

⁵ Культовые фотографы XX века. Ричард Аведон делал съемки для дома Christian Dior с 1947 года. Работы Ирвинга Пена для журнала Vogue сформировали выразительный минимализм студийных съемок моды.

2

«Sugni rара е rаріu». Дословный перевод с калабрийского диалекта: «Я папа, и я папствую».

Перевод с нашего семейного диалекта: «Командую здесь я».

Эту фразу часто произносила моя мама Франческа, для всех Франка.

Это утверждение и шутливым-то нельзя было назвать, настолько оно соответствовало истине: маму все мы слушались беспрекословно.

Женщина сильнейшего характера, она воспитывала нас скорее влиянием, укореняя в нашем сознании преданность работе и своим жестким установкам. Ее отец, Джованни Оландезе, от которого моему брату Джанни досталось имя, был сапожником.

Анархист по складу ума, он вечно организовывал какие-то манифестации, распространял листовки, а в юности попал на полтора года на галеры за то, что освистал знаменитого генерала Морра, который прославился жестоким подавлением волнений, возникших на Сицилии в конце девятнадцатого века в связи с разоблачением движений фашистского толка. Деда отправили в ссылку в Липари до 1914 года. Существует документ, датированный 1914 годом, согласно которому префект Мессины разрешает ему вернуться в Реджо-Калабрию, поскольку «с некоторых пор его дела в Липари идут неважно по причине длительного кризиса надомных ремесел, тем более что его клиентами в основном являются коммерсанты и рабочие, проживающие в индустриальном пригороде Каннето. В Липари Оландезе не позволял себе никаких манифестаций и пропаганды и придерживался строгой морали. Он отказался от прежних анархических идей и проявляет себя как трудолюбивый работник и прекрасный отец семейства. Исходя из этого, предлагаю вычеркнуть Оландезе из списка неблагонадежных».

Всем известно, что наша мама была портнихой, и Джанни начал увлекаться модой в ее пошивочной мастерской, среди ярких красок и шуршания тканей: мой брат ползал среди оборок и кружев, пока мама булавками выправляла силуэты одежды прямо на клиентах.

На самом деле мама хотела стать врачом. Но ее отец, хоть и революционер, но, видимо, с ограничениями, если речь шла о содействии женской эмансипации, запретил ей учиться дальше после получения школьного аттестата. Он говорил, что женщине не пристало работать рядом с мужчинами, что это «не есть хорошо». Наверное, он сознательно не упоминал о том, сколько стоило в то время обучение на врача, и о том, что он просто не мог себе это позволить. Какова бы ни была причина, а факт тот, что мама решила для себя: она станет портнихой. Этот выбор переписал историю нашей семьи и направил ее в определенное русло, поскольку позволил расцвести таланту Джанни.

Франку отправили учиться ремеслу к «парижанке», портнихе из Реджо-Калабрии, которая велела так себя называть, потому что училась в Париже. В 1940 году, закончив долгое обучение, мама открыла свое ателье под собственным именем: Франка Оландезе. Живой ум, трудолюбие и виртуозное умение разговаривать с клиентами до самой смерти остались с нею.

В ней сосуществовали творческая натура, вкус, предпринимательская жилка и врожденное чувство справедливости. После смерти отца мой дядя Раффаэле, мамин брат, захотел облегчить себе жизнь и чуть не поддался модному поветрию и не записался в фашистскую партию. Этого никогда не допускал мой дед и не позволил этого своим детям. Мама запретила Раффаэле даже думать об этом. «Нечего подвергать себя такой опасности», – отрезала она. С Франкой по-другому было нельзя.

Самая младшая из сестер, она обладала маршальской хваткой и всегда брала на себя командование, действуя исключительно в общих интересах.

Маленький Джанни ползал среди оборок и кружев, пока мама булавками выправляла силуэты одежды прямо на клиентах.

Она в любых обстоятельствах бросалась в бой, чтобы защитить нас, детей, поскольку знала нас, как никто другой. Например, когда Джанни еще находился в детском саду при монастыре (монахинь он терпеть не мог и называл «портяночными головами»), маму однажды вызвали туда, и в голосе монахини звучала большая тревога. Если верить монахине, то ребенок чуть ли не с пеленок стал уже сексуальным маньяком. Доказательством его преступной деятельности послужили нарисованные им портреты звезд кинематографа: Софи Лорен, Джини Лоллобриджиды и Сильваны Мангано. На рисунках он одевал актрис в платья собственного изобретения, которые подчеркивали все изгибы и выпуклости их тел, причем ничего не убавлял и не прибавлял. Он объяснил геометрическую концепцию рисунков: каждая из актрис получила оценку размера груди в квадратиках. Грудь Лоллобриджиды оценивалась четырьмя квадратиками, грудь Лорен – пятью, а грудь Мангано – шестью. Метод оценки вполне себе научный. Мама приняла к сведению, монахини успокоились, а мы потом еще долго не могли успокоиться и хохотали от души.

* * *

Мой отец Антонино, которого все называли просто Нино, остался сиротой в пятнадцать лет. У него было три брата и сестра. Самый старший из братьев, Доменико (по-домашнему Мими), заменил ему отца. Нино был феноменально одаренным спортсменом: чемпионом по велосипеду и кроссу, отличным футболистом (играл в левой защите и левой полузащите). А вот вступительные экзамены в гимназию провалил и поступил на самое легкое отделение лицей: педагогическое.

Перед смертью его отец, то есть мой дед по отцовской линии, которого, как и меня, звали Санто, взял с него клятву, что он получит диплом. Клятву он сдержал и диплом учителя получил. По специальности он никогда не работал, зато непрерывно учил нас. Учил всему сразу: литературе, жизни, мудрости и мужеству. Он постоянно что-то нам рассказывал или брал в руки книгу, приучая нас к этой замечательной привычке. Прежде всего ему это удалось со мной, потому что мы очень друг другу доверяли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.